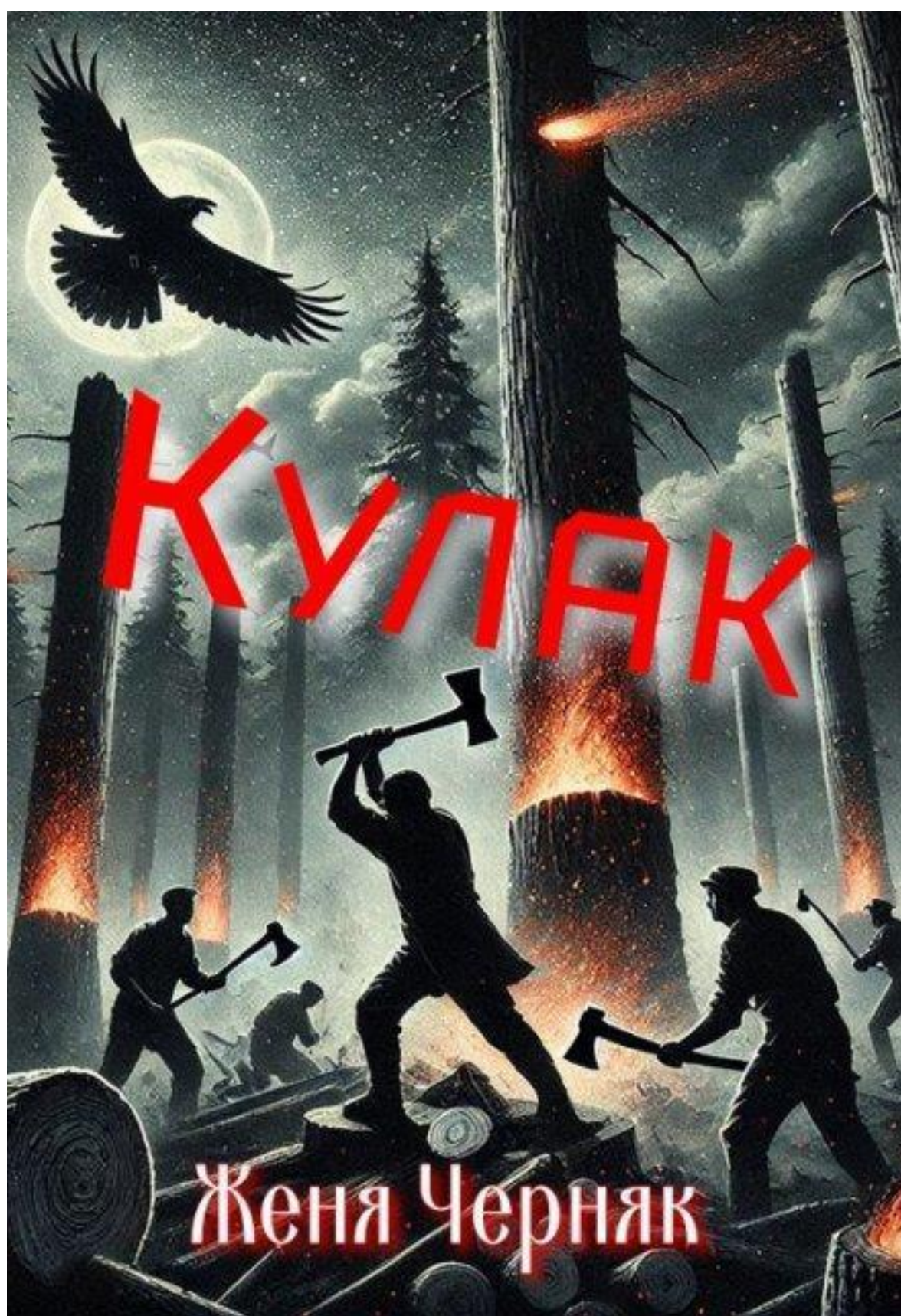

Женя Черняк

Кулак

«Литнет»

2025

Черняк Ж.

Кулак / Ж. Черняк — «Литнет», 2025

1930 год. Глубинка России. Село Большая Гривна, где под гнётом коллективизации рушатся судьбы, а по ночам шепчутся старые стены бывшей церкви, превращённой в клуб. Андрон Кулаков зажиточный крестьянин, чья жизнь перемалывается жерновами новой власти. Любимая женщина, выданная за другого. Семья, расстрелянная на болотах. Собственное имя, ставшее клеймом. Когда его, полумёртвого, бросают в сибирском лесу, сама тьма протягивает ему руку, и он хватается за неё, чтобы вернуться. Но каким? Теперь он не живой, не мёртвый. Сгусток ярости и боли, жаждущий мести. В его глазах горят огни погибшей деревни, а за спиной лишь пепел и кровь. Он вернётся в родное село в ночь свадьбы своей бывшей возлюбленной Арины и комиссара Воронцова — того самого, кто подписал смертный приговор его семье. «Кулак» — это не просто история о вампирах. Это потрясающий микс: ✓ Драма раскулачивания — жёсткая, беспощадная, как архивные документы. ✓ Мистика русской деревни — вурдалаки из сказок бабки Арины оживают и требуют расплаты. ✓ Любовный треугольник на фоне апокалипсиса — Арина между долгом и страстью, между мужем и монстром. ✓ Философская глубина — что делает человека чудовищем? Боль? Ненависть? Или сама система, превращающая людей в палачей и жертв? Готовы ли вы узнать, чем закончится эта кровавая жатва?

© Черняк Ж., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	16
Глава 6	18
Глава 7	21
Глава 8	23
Глава 9	25
Глава 10	28
Глава 11	31
Глава 12	33
Глава 13	36
Глава 14	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Глава 1

Глава первая

Весна 1930 года пришла в село Большая Гривна поздно, словно нехотя, будто сама природа сопротивлялась наступлению нового цикла. Холодные утренники сковывали землю ледяной коркой. Ветер, гулявший по улицам, нёс с собой запахи оттаявшей грязи, дыма из печных труб и кисловатого духа навоза, который уже начал оттаивать по краям дворов. Дороги, изъеденные колеями, превратились в месиво чёрной жижи, и редкие прохожие, пробираясь между лужами, кряхтели и сплёвывали сквозь зубы.

Андрон Кулаков шагал по селу тяжело, широко расставляя ноги в грубых, пропахших потом и дёгтем сапогах. Он был высок, широк в плечах, и его фигура, чуть согнутая от постоянной работы, выделялась среди других мужиков. Руки его, даже в покое, оставались сжатыми в кулаки, будто привыкли лишь к труду да к драке. Лицо, обветренное и тёмное от солнца, не назвать было красивым, но в нём читалась сила. Тяжёлый подбородок, густые брови, тёмные глаза, смотревшие прямо и жёстко.

Он возвращался с базара, где с утра торговал мясом. В кармане его зипуна позвякивали монеты. Выручка была неплохой, хотя и меньше, чем в прошлые годы. Теперь, когда по селу ходили разговоры про колхозы и раскулачивание, народ прижимал деньги, боялся лишнее потратить. Да и сам Андрон чувствовал, как что-то недоброе витает в воздухе, будто туча перед грозой.

Дом его стоял на отшибе, большой, крепкий, под тёмной соломенной крышей. Во дворе копошились куры, у сарая стояла телега с разобранным упряжью, а из хлева доносилось глухое мычание коровы. На крыльце, обхватив колени руками, сидела Устина — его жена.

Она была женщиной крепкой, ширококостной, с руками, знавшими любую работу. Лицо её, когда-то румяное и полное, за последние годы осунулось, стало жёстким, а в глазах поселилась усталая покорность. Увидев мужа, она молча поднялась, отряхнула подол и без слов двинулась в сени ставить самовар.

— Прогнал? — спросила она уже внутри, раздувая угли в печи.

— Прогнал, — коротко бросил Андрон, скидывая зипун.

— Много ли выручил?

— Хватит. На первое время уж точно, а там посмотрим.

Она ничего не ответила, только губы её слегка дрогнули. Они давно уже разучились говорить по-доброму. Женили их родители, свели два хозяйства, и с той поры Устина рожала ему детей, доила коров, месила хлеб, а он пахал, сеял, рубил мясо на продажу. Жили, как жили все вокруг, но в последнее время Андрон всё чаще ловил себя на мысли, что смотрит на жену, как на чужую.

— Опять молчишь, — сказала Устина, ставя на стол чугунок с щами. — Словно я тебе не жена, а работница.

— А что говорить-то? — огрызнулся Андрон. — Дела обсуждать? Так они одни и те же. Земля, скотина, налоги. А сплетни какие, так это тебе точно не ко мне.

— Не про дела, — она села напротив, устало потирая ладонью лоб. — Вон у Марфы с Петром хоть разговоры бывают. Про жизнь, про то, что в городе слышали...

— Ну и что с того? — Андрон хмуро ковырял ложкой в миске. — Разговорами сыт не будешь.

— А душу ими согреешь, — тихо сказала Устина.

Он посмотрел на неё, на её красные, обветренные руки, на глубокие морщины у рта, и вдруг почувствовал что-то вроде вины. Но тут же отогнал это чувство.

— Душа... — проворчал он. — Какая у мужика душа? Есть работа, есть хлеб на столе, да и то слава Богу.

— Бог-то теперь не в чести, — усмехнулась Устина. — Теперь новые святые пошли. Помню время, всей семьёй по воскресеньям в церковь ходили, молились, душу выворачивали. А теперь вместо церкви клуб сделали. Народ пляски устраивает.

Андрон нахмурился.

— Ты это брось. Мало ли как чего поменялось. Про такое сейчас говорят в полголоса, да и то по сторонам глядят.

— Говорят-то много, — вздохнула она. — Да только от слов этих уже кулаков по волостям вывозят.

Он резко стукнул ложкой по столу.

— Хватит! Нечего дурь-то слушать.

Устина замолчала, но в её глазах читалось что-то тяжёлое, будто она знала больше, чем говорила.

После обеда Андрон вышел во двор, сел на завалинку и закурил. Солнце уже клонилось к закату, окрашивая крыши изб в багровые тона. Где-то вдали кричали дети, доносился лай собак.

Он сидел и думал о том, что жизнь его, казалось бы, налажена. Есть дом, хозяйство, семья, люди уважают. Но внутри было пусто.

И тут он вспомнил её. Арину.

Арина была дочерью бедняка Семёна Безденежного, жившего на краю села в покосившейся избе. Впервые он заметил её месяца три назад, но не тут, не в Новой Гривне, а на базаре. Худенькую, в выцветшем платье, с большими серыми глазами. Но сегодня утром, проходя мимо колодца, он увидел, как она, налегая всем телом, пыталась вытянуть ведро, и не смог пройти мимо.

— Давай помогу, — сказал он, подходя.

Она вздрогнула, обернулась, и он увидел, как по её лицу пробежала тень испуга.

— Спасибо, — прошептала она, отступая.

Андрон легко вытянул ведро, потом второе, взвалил их на коромысло.

— Далеко нести?

— До края села, к отцу.

— Подвезу, — коротко сказал он и, не дожидаясь ответа, поставил вёдра в свою телегу.

Она шла рядом, молчаливая, опустив глаза. Андрон украдкой разглядывал её тонкий нос, светлые ресницы, губы, сжатые от смущения.

— Как звать-то тебя? — спросил он нарочито грубовато.

— Арина.

— А я Андрон.

— Знаю, — тихо ответила она.

— Ну да, вся Большая Гривна меня знает, — хмыкнул он.

— Знают, да не все добром поминают, — неожиданно сказала она.

Андрон насторожился.

— Это почему же?

— Говорят, с Кулаковыми лучше не спорить, особенно со старшим Андроном. Быстро зубы пересчитает, если что. А ещё говорят, у тебя земля лишняя. Что на других не хватает.

— Земля моя по праву, — нахмурился он. — Я её пахал, удобрял, пот потом заливал.

— А у моего отца земли нет, — сказала Арина. — Только огород.

— Ну так пусть работает! Как большевики пришли, да барина сбросили, все равные стали. Разве нет? — огрызнулся Андрон.

— Так он работает. Да только кому теперь нужен бедняк? — она посмотрела на него прямо, и в её глазах было что-то такое, от чего у Андрона ёкнуло внутри.

Они дошли до её дома, покосившейся избы с провалившимся углом. На крыльце сидел её отец, Семён, худой, с впалыми щеками, курил самокрутку и косо посмотрел на подъехавшего соседа.

— Спасибо, — ещё раз сказала Арина, забирая вёдра.

— Не за что, — буркнул Андрон, но не уезжал, смотрел, как она несёт воду в дом.

— Чего уставился? — вдруг резко спросил Семён. — Женатый мужик, а глаза пялишь. Андрон нахмурился.

— Помог девке воду привезти, вот и всё.

— Помощь твоя не нужна, — проворчал старик. — У нас с тобой пути разные.

— Какие такие пути? — рассердился Андрон.

— Ты — кулак. А я — бедняк. Скоро, глядишь, и вовсе не ровня нам будет.

Андрон хотел что-то ответить, но сдержался, только крутанул поводья и тронул лошадь. Но даже уезжая, он чувствовал, как что-то новое, тёплое и тревожное, заползло ему в грудь. А слова старика пролетели мимо. Это при царе кулаки были, ростовщики да торгаши, а он-то свой, крестьянин. Потому не придал болтовне старого особого значения.

Вечером, лёжа на полатах рядом с храпящей Устиной, он думал о серых глазах Арины, о её словах, о том, как несправедливо устроен мир. И о том, что завтра снова пойдёт к колодцу.

Глава 2

Глава вторая

Первый петух прокричал ещё затемно, когда восток только начал сереть за краем соломенной крыши. Андрон проснулся от этого звука, словно от толчка, и сразу же почувствовал, как в висках стучит усталость. Вчерашний день выдался тяжёлым, а ночь прошла беспокойно, в обрывках снов, где мелькали то серые глаза Арины, то угрюмое лицо её отца.

Он потянулся. Кости хрустнули, и тут же с другой стороны печи раздался сонный голос: — Уже встаёшь?

Устина лежала, отвернувшись к стене, но по напряжённым плечам было видно, что она не спала.

— К отцу еду, пахать, — коротко бросил Андрон, натягивая порты.

— Возьми Мишку с собой.

— И так возьму.

Он вышел во двор, где воздух ещё держал ночную свежесть, и глубоко вдохнул, чувствуя, как лёгкие наполняются сыростью и запахом конского навоза. Лошадь, заслышав шаги, зашевелилась в стойле в ожидании корма.

— Пап, я запрягаю? — из темноты вынырнул девятилетний Мишка, уже одетый, с торчащими в разные стороны волосами.

— Давай, только сперва овса ей дай, — кивнул Андрон.

Пока сын возился у конюшни, он сам зашёл в сарай, вытащил плуг, провёл ладонью по зазубренному лемеху — надо бы точить. Потом взял вёдра, подошёл к колодцу. Вода была ледяной, он умылся, смывая остатки сна, и тут же услышал за спиной голос:

— Рано нынче поднялся.

Это была Устина, стоявшая на крыльце с миской тёплого молока.

— Земля ждёт, — отозвался он, принимая миску.

— Ждёт... — она посмотрела куда-то за его спину, туда, где над крышами уже розовел восток. — А вдруг и не твоя она скоро будет?

Андрон резко поднял глаза:

— Ты опять за своё?

— Не я за своё, а люди говорят.

— Люди болтают много чего, — он допил молоко и сунул миску обратно в её руки. — А земля моя.

Мишка уже запряг лошадь, и вскоре они выехали со двора, оставляя за спиной Устину, неподвижно стоявшую у ворот.

Дорога к отцовскому полю шла через всё село, мимо покосившихся плетней и огородов, где кое-где уже копошились ранние хозяйки. Солнце поднималось выше, и свет его, пока ещё косой, золотил верхушки изб.

На развилке, где тропа уходила к реке, их телега неожиданно столкнулась с другой, совсем старой, скрипучей, запряжённой тощей клячей. В ней сидел Семён Безденежный, а рядом, отвернувшись, примостилась Арина.

Андрон сразу узнал её по тонкому силуэту, по платку, сбившемуся набок. Он хотел было окликнуть, но Семён уже мрачно кивнул:

— Проезжай.

— Дорога широкая, — ответил Андрон, но всё же придержал лошадь.

В этот момент Арина случайно обернулась, и их взгляды встретились. Она быстро опустила глаза, но он успел подмигнуть ей быстро, так, чтобы не заметил отец.

— Ты чего это? — Семён нахмурился, заметив движение.

— Ветер, пыль в глаз, — буркнул Андрон и тронул лошадь.

Но даже проехав уже несколько десятков сажень, он чувствовал на спине неодобрительный взгляд старика.

Отцовский участок был одним из самых больших в округе. А было там точно пять десятин хорошей земли, ровной, как ладонь. Когда Андрон подъехал, работа уже кипела. Два его брата, Иван и Фёдор, скирдовали прошлогоднюю солому, а сам старик Кулаков, согнутый, но ещё крепкий, размечал борозды.

— Опоздали, — встретил он сына.

— Петухи ещё спали, как мы выехали, — огрызнулся Андрон, слезая с телеги.

— Петухи спят, а земля не ждёт, — проворчал старик, но в глазах мелькнуло одобрение, ведь он любил, когда сыновья приходили вовремя.

Пока Мишка бегал к дядьям, Андрон скинул плуг, начал проверять упряжь.

— Слышал новости? — подошёл Иван, старший брат, широколицый, с хитрыми глазами.

— Какие ещё новости?

— Из города пишут — нового комиссара прислали. Молодого, рьяного.

— Ну и что?

— А то, что теперь у нас порядки наводить будут, — Иван понизил голос. — Колхозы организовывать.

Андрон замер, чувствуя, как в животе холодеет.

— Кто сказал?

— Да все говорят. В волости уже списки составляют, кто в колхоз идти должен.

— Не пойду, — резко сказал Андрон.

— Ты-то не пойдёшь, а тебя заставят, — в разговор вмешался Фёдор, младший, всегда более осторожный. — У тебя земли много, скота. Ты им как бельмо в глазу.

— Земля-то моя! — Андрон ударил кулаком по телеге. — Я её кровью полил!

— Твоя, да не твоя, — раздался голос отца. Все обернулись. Старик стоял, опираясь на палку, и его лицо было серьёзным. — Теперь земля государственная. А мы на ней так, работники.

— Не может этого быть! — Андрон чувствовал, как гнев поднимается к горлу. — Мы же...

— Мы ничего, — перебил отец. — Время теперь такое. Кто против — того и раскулачат. Наступило молчание. Даже Мишка, подошедший с куском хлеба, замер, чувствуя напряжение.

— Ну, работать будем или языки чесать? — наконец сказал старик и махнул рукой.

Братья разошлись. Андрон взялся за плуг, чувствуя, как пальцы сами сжимаются в кулаки.

День выдался тяжёлым. Солнце пекло немилосердно, спина горела, а руки, державшие плуг, немели от напряжения. Мишка то и дело подносил воду, но даже питьё не спасало. Во рту стояла горечь от пыли и усталости.

К полудню приехали женщины с обедом, Устина с невестками. Они разложили на траве хлеб, сало, огурцы. Андрон ел молча, чувствуя, как взгляд жены скользит по его лицу.

— Что случилось? — наконец спросила она.

— Ничего, — буркнул он.

— Не врёшь?

— Оставь, — он резко встал. — Пойду работать.

Остаток дня прошёл в молчаливом напряжении. Даже братья, обычно любившие пошутить, сегодня были угрюмы.

Только к вечеру, когда солнце уже клонилось к лесу, Андрон позволил себе остановиться, выпрямить спину. Он посмотрел на поле, половина которого ещё не вспахана.

«Завтра», — подумал он.

И вдруг вспомнил Арину. Её испуганные глаза. И то, как её отец сказал: «Ты — кулак». Словно это было обвинение, а не случайное ругательство.

Глава 3

Глава третья

Лошадь плелась устало, едва переставляя ноги, а телега скрипела на ухабах, будто жалуясь на долгий день. Андрон сидел, свесив ноги, и курил, глядя, как закатное солнце растекается багрянцем по крышам изб. Мишка дремал рядом, уткнувшись в его плечо.

Въезжая в село, они сразу почуяли неладное. У колодца, где обычно к вечеру собирались лишь бабы с вёдрами, сейчас толпились народ. Мужики в замасленных зипунах размахивали руками, старухи в потёртых платках что-то бурно обсуждали. Были тут даже ребяташки, забывшие о своих играх. Голоса звучали громко, взволнованно, и сквозь общий гул прорывались отдельные слова:

— *Комиссар... Собрание... Колхоз...*

Андрон нахмурился и тронул вожжами.

— Пап, что там? — проснулся Мишка, протирая глаза.

— Ничего. Сиди.

Они подъехали ближе. Люди, заметив Андрона, слегка расступились. Уважение к нему чувствовалось даже в этом жесте.

— Здорово, — кивнул он, снимая картуз.

— Здорово, Андрон Савельич, — отозвались несколько голосов.

— Чего народ взбудоражен?

— Да комиссар новый, — заговорил рослый мужик с рыжей бородой, сосед Терентий. — Сегодня приехал, и уже сейчас в клубе собрание собирает. Говорит, Москва велела всем в колхозы вступать.

— Всем? — Андрон медленно выпустил дым.

— Ну, не всем, — вмешалась старая Дарья, мать троих сыновей. — Беднота, говорят, может вступать, а кто побогаче... — она запнулась, бросая на Андрона косой взгляд.

— А кто побогаче — тому радоваться надо, что у него есть чем с голоду помереть? — резко сказал рыжий Терентий.

Народ зашумел. Кто-то крикнул:

— Да ведь землю у богатеев отберут!

— А кто её пахал? Кто удобрял? — заспорил другой.

Андрон стоял молча, чувствуя, как в висках начинает стучать.

— Андрон Савельич, — вдруг обратился к нему худой мужичок в рваном зипуне, — ты как думаешь? Вступать, что ли?

Все замолчали, ждали. Даже дети притихли.

Андрон медленно стряхнул пепел с сигарки.

— Земля, — сказал он, — она как живая. Кто её любит, того и слушается. А если пахать её будут те, кто в жизни сохи не держал, что там вырастет?

— Так ведь не мы решаем! — крикнул кто-то с задних рядов.

— Пока решаем, — Андрон бросил окурок под ноги. — Завтра — не знаю как будет. Знаю лишь одно, что когда земля барской была, было разделение. А когда всё общее стало, каждый взял по возможности. Иль теперь кто-то нас Кулаковых баринами нарекает, а?

Он взял вожжи, кивнул людям:

— Прощайте.

Телега тронулась, а за спиной у него снова поднялся шум, теперь уже громче и злее.

Ужин прошел в тяжёлом молчании. Устина хлопотала у печи, Мишка клевал носом над тарелкой, а младшие дети, шестилетняя Машка и четырёхлетний Петька, уже спали на полатах.

— Ты пойдёшь? — вдруг спросила Устина, ставя перед ним миску с картошкой.

— Куда?

— На собрание.

— Не вижу смысла.

— Все пойдут, — она села напротив, сложив на столе красные от работы руки. — И отец твой пойдёт, и братья.

— Ну и пусть идут.

— Андрон... — её голос дрогнул. — Ты же понимаешь, что если не пойдёшь, это только хуже будет?

Он резко поднял глаза:

— Что значит — хуже?

— Люди подумают, что ты боишься. Или что ты против власти.

— А я и есть против, если эта власть моё хозяйство отбирает!

Устина побледнела.

— Ты с ума сошёл! Так нельзя говорить!

Андрон встал, отшвырнув лавку.

— В своём доме я что хочу, то и говорю! Тебе ж разговоров со мной не хватало, а теперь слушать не хочешь.

Он вышел во двор, где уже сгущались сумерки. Где-то за селом кричала сова, а из-за леса поднималась луна, такая бледная и холодная.

Прошло полчаса, может, больше. Дверь скрипнула — это вышла Устина.

— Андрон... — она подошла, осторожно коснулась его плеча. — Пойдём. Вместе.

Он хотел было огрызнуться, но в её глазах увидел не упрёк, а страх. За него. За детей.

— Ладно, — буркнул он. — Только ты останешься с детьми.

Клуб, бывший в царские времена церковью, а ныне дворцом с вырванными иконами и замазанными фресками, светился всеми окнами. У крыльца толпился народ: мужики курили, бабы перешёптывались, ребятя бегала под ногами.

Андрон, подходя, сразу увидел своих. Отец стоял с братьями, хмуро слушая, как Иван что-то горячо доказывал. Мать, завернувшись в платок, молчала рядом.

— Пришёл, — кивнул отец.

— Пришёл, — ответил Андрон.

— А я говорил, что он придёт, — встрял Иван.

Андрон хотел ответить, но тут взгляд его скользнул в сторону, и он увидел их.

Семён Безденежный стоял с краю, окружённый своими детьми — двумя тощими сыновьями и дочерьми. Арина была среди них, закутанная в серый платок, и когда её глаза встретились с Андроновыми, она быстро отвернулась.

— Эти-то уж точно за колхоз будут, — прошептал Иван, следуя за взглядом брата. — У них и взять-то нечего. Им выгодно на чужом добре своё наживать.

Андрон ничего не ответил. В этот момент двери клуба распахнулись, и из них вышел молодой парень в кожанке, с револьвером на боку.

— Товарищи! — громогласно крикнул он. — Собрание начинается!

Народ зашумел, двинулся к дверям. Андрон, толкаясь в толпе, вдруг почувствовал, как кто-то слегка задел его руку. Он обернулся. Арина быстро прошла мимо, даже не взглянув, но на его ладони осталось тепло её пальцев.

И это было единственное, что согревало его, когда он переступал порог клуба, где в воздухе уже висел тяжёлый, как предгрозовое небо, запах людского страха.

Глава 4

Глава четвертая

Бывшая Преображенская церковь, ныне гордо именуемая «Клубом имени Первого мая», едва вмещала набившийся народ. Люди стояли плечом к плечу, заполнив не только расшатанные скамьи, но и все проходы, и даже пространство у замазанных известкой иконных ниш.

Густой воздух был пропитан запахом махорки, овчинных полушубков и древесного дыма, ввевшегося за зиму в одежду. Высокие стрельчатые окна, лишённые когда-то цветных витражей, теперь тускло отражали колеблющийся свет электрических ламп, развешанных по краям импровизированной сцены, бывшего церковного амвона.

На возвышении за столом, покрытым кумачом с небрежно нашитыми серпом и молотом, расположились пятеро. В самом центре сидел молодой комиссар в новеньком кожаном пальто. По бокам двое военных с наганами в кобурах. По краям местный председатель сельсовета Фрол с вечно потным лицом и секретарь партячейки, худощавый интеллигент в роговых очках.

Комиссар, представившийся как Алексей Петрович Воронцов, лет двадцати пяти, с пронзительным взглядом и аккуратно подстриженными «буровскими» усами, начал речь, откашлявшись в кулак:

— Товарищи крестьяне! Советская власть прислала меня, чтобы разъяснить вам великую задачу, стоящую перед всей страной. — Его голос, намеренно тихий вначале, постепенно набирал силу, заполняя высокие своды бывшего храма. — Мы начинаем великое дело коллективизации, которое навсегда изменит вашу жизнь к лучшему! Это не просто объединение хозяйств, а путь к новой справедливости, где каждый будет получать по своему труду, а не по количеству десятин, нажитых непосильным трудом батраков!

В задних рядах поднялся высокий старик с седой, как лунь, бородой. Староста соседней деревни Яков Потапович, уважаемый всеми за мудрость и справедливость:

— А как же заветы предков, Алексей Петрович? Земля, политая потом наших отцов и дедов... Разве можно её отдавать в общий котёл, словно последнюю картофелину в голодный год?

Комиссар резко встал, упёршись ладонями в красное сукно:

— Ваши деды жили в темноте и невежестве, товарищ! — его глаза горели фанатичным блеском, а голос звенел, как натянутая струна. — Мы же строим новый мир, где не будет кулаков, высасывающих соки из бедноты! Где все будут равны перед лицом советской власти! Где трактора заменят ваши убогие сохи, а электричество — лучины!

Андрон, стоявший у стены возле выхода, не выдержал и громко произнёс, перекрывая шум толпы:

— А если человек землю кровью и потом поливал? Если он не покладая рук работал с утра до ночи, пока другие водку в кабаке пропивали? Это тоже называется несправедливостью?

В зале загудело, как потревоженный улей. Комиссар медленно повернулся к Андрону, внимательно его оглядев:

— Товарищ, как ваша фамилия?

— Кулаков. Андрон Савельич.

— А-а, — протянул комиссар, многозначительно переглянувшись с военными, — вот оно что. — Он театрально повернулся ко всем собравшимся: — Видите, товарищи? Классовый враг сам себя проявляет. Как говорил великий Ленин: «Кулак — это кровопийца, мироед и спекулянт».

— Так в ком ты, мил человек, кулака-то увидел? — выкрикнул из последних рядов мужик Степан. — Я ток когда совсем малым был, видел парочку. А после Революции ни одного. Как пить дать, ни единого кулачишку.

Отец Андрона, Савелий Кузьмич, сидевший в первом ряду, медленно поднялся, опираясь на резную трость:

— Сын мой правду говорит, гражданин начальник. — его низкий, грудной голос заставил притихнуть даже самых шумных. — Мы землю не грабили, не отнимали. Каждый колосок своим трудом выращен. Мои руки, — он поднял свои ладони с толстыми, как корни деревьев, пальцами, — вот они какие. Это руки хлебороба, а не кровопийцы.

Комиссар резко хлопнул ладонью по столу, отчего задребезжали стёкла в окнах:

— Именно так и говорит кулак! — он начал нервно расхаживать по сцене, как хищник в клетке. — А я вам расскажу, что такое настоящая правда! Правда — это когда дети бедняков пухнут с голоду, пока у таких, как вы, амбары ломятся от зерна! Правда — это когда батрак пашет на вас за горсть муки! Это и есть ваша «справедливость»?

— Кулаковы не кулаки! У них просто фамилии схожи. — выкрикнул кто-то, и зал разразился заразительным смехом.

Вдруг из толпы раздался тонкий, но чёткий голос. Это была Арина, неожиданно для всех поднявшаяся с места:

— А разве можно отнимать у одних, чтобы дать другим? Разве это и есть новая справедливость? — её голос дрожал, но слова звучали отчётливо.

Её отец, Семён Безденежный, резко дернул её за рукав, но слова уже прозвучали. Комиссар удивленно поднял брови, подойдя к краю сцены:

— Ты чья будешь, девушка?

— Безденежных... Арина Семёновна, — еле слышно ответила она, опуская глаза.

Комиссар усмехнулся, обращаясь ко всем:

— Вот видите, товарищи! Даже дочь бедняка понимает всю несправедливость старого уклада. — Он снова заговорил, повышая голос: — Завтра на этом же месте начнём записывать желающих в колхоз. Кто не с нами — тот против советской власти. А с врагами народа мы разговариваем другим языком.

Андрон, стиснув зубы, громко процедил:

— Значит, добровольность — это когда под дулом револьвера? Так, что ли?

Комиссар резко обернулся, и его лицо исказила гримаса гнева:

— Что-что вы сказали, товарищ Кулаков?

— Я сказал, — Андрон сделал шаг вперёд, заставив людей перед ним расступиться, — что настоящая справедливость — это когда человека не заставляют отказываться от того, что он заработал честным трудом. Когда не ставят к стенке за то, что он не хочет отдавать своё кровное.

В зале воцарилась гробовая тишина. Даже дыхание людей стало неслышным. Комиссар медленно подошёл к самому краю сцены. Все видели как его пальцы нервно барабанили по кобуре нагана.

— Запомните мои слова, товарищ Кулаков. Новое время не потерпит таких, как вы. — он сделал паузу, обводя взглядом всю толпу. — Либо вы с нами, либо... — он не договорил, но все поняли недвусмысленный намёк.

После собрания, когда народ стал неохотно расходиться, переговариваясь шёпотом, Андрон сумел поймать Арину за рукав у выхода, за деревянной колонной, где их не было видно:

— Зачем ты вступилась, глупая? Тебе же от отца достанется...

Она потупила взгляд. Её длинные ресницы отбрасывали тень на бледные щёки:

— Потому что ты прав... Отец говорит, что нам колхоз выгоден, что мы наконец-то заживем как люди... Но я вижу страх в глазах людей. Разве так должно строиться счастье? На чужом горе?

Андрон вздохнул, невольно сравнивая её мудрые слова с тупой покорностью Устины:

— Мудрая ты, Ариша... Мудрее многих здесь мужиков с бородами. — он осторожно коснулся её пальцев, спрятанных в складках поношенного платья.

Она быстро оглянулась и прошептала, губы её едва шевелились:

— Завтра у колодца, в полдень, когда все за обедом будут. Мне нужно тебе сказать что-то важное... — и, вырвав руку, растворилась в толпе, оставив Андрона с тяжёлыми мыслями и странным теплом в груди, которое не могло перебить даже предчувствие надвигающейся беды.

Глава 5

Глава пятая

Луна, словно выщербленный пятак, висела над селом, когда Андрон шагал по пустынной улице к своему дому. Каждый удар сердца отдавался в висках тяжёлым, неровным стуком. Мысли путались, цепляясь то за резкие слова комиссара, то за испуганный взгляд Арины.

— Господи, да что ж это творится-то... — прошептал он себе под нос, с силой толкая калитку.

Во дворе было тихо, и только свинья хрюкнула в загоне, почуяв хозяина. В избе горела лучина. Устина ждала его появления. Она стояла на пороге в одной длинной сорочке, босыми ногами почувствовав холод земляного пола.

— Ну что? — спросила шёпотом, чтоб не разбудить детей.

Андрон, не глядя на неё, скинул зипун, швырнул шапку на лавку.

— Ничего хорошего.

— Да говори толком!

— Завтра списки начнут составлять. В колхоз. Кто не запишется, тем хуже.

Устина перекрестилась, губы её дрогнули.

— Господи помилуй... А мы?

— А мы будем как все, — резко сказал он и плюхнулся на лавку, снимая сапоги.

Жена молча подошла, встала на колени перед ним, начала разматывать онучи. Пальцы её, шершавые от работы, скользили по его икрам.

— Дети спят, — тихо сказала она, подняв на него глаза.

Андрон понял намёк, но лишь отвернулся.

— Не до того.

— А когда до того будет? — в её голосе зазвенели обида и тоска. — Месяц? Два? Как в прошлый раз?

Он ничего не ответил, а лишь тяжело вздохнул и пошёл к рукомойнику.

Ночью, когда изба погрузилась в тёмную тишину, Андрон лежал на спине, уставившись в потолок. Устина ворочалась рядом, потом осторожно придвинулась, обняла его за бок.

— Андрон... — шёпот её был горячим, как пар от скотины в морозное утро.

— Спи.

— Не могу... — её рука поползла вниз, к животу.

Он схватил её за запястье.

— Я сказал — устал.

Но Устина не отступила. Её ладонь, упрямая и настойчивая, разжимала его пальцы.

— Жена я тебе или нет? — прошептала она, прижимаясь всем телом.

Андрон застонал, но скорее не от желания, а от бессилия. Через мгновение он грубо перевернул её на спину. Это было быстро, молчаливо, без намёка на ласку.

После Устина заплакала тихо, в подушку, а он лежал, чувствуя, как стыд разъедает его изнутри.

Утро началось как всегда с крика петуха.

Андрон встал раньше всех, вышел во двор, окунул голову в ледяную воду кадки. Тело ныло, глаза слипались, но хуже всего была эта гложущая досада на себя.

— Тять, а правда, что у нас всё заберут? — Мишка, девятилетний старшак, стоял на пороге, потирая сонные глаза.

Андрон нахмурился.

— Кто тебе такое наговорил?

— Да все во дворе говорят...

— Не слушай дураков. Иди матери помогай.

За завтраком дети: Мишка, Машка и маленький Петька, смотрели на отца широкими глазами.

— Тять, а колхоз — это как? — не выдержала Машка.

— Это когда все вместе, — буркнул он, разминая пальцами хлебный мякиш.

— А наша Бурёнка тоже со всеми будет? — испугался Петька.

Устина, разливающая молоко, замерла, ждала ответа.

— Будете вы молчать! — вдруг рявкнул Андрон, ударив кулаком по столу.

Дети вздрогнули, а младший и вовсе расплакался. Устина бросила на мужа укоризненный взгляд.

— Ну чего ты? Маленькие ещё...

— Маленькие, а жизнь уже спрашивают! — он встал из-за стола, опрокинув скамью.

На пороге он обернулся. Посмотрел на жену, прижавшую к себе перепуганных детей. В глазах Устины стояли слёзы.

— Я... я на поле. К отцу.

Вышел, хлопнув дверью.

Солнце уже поднялось над лесом, когда он дошёл до колодца. В кармане зипуна лежала краюха хлеба, завернутая Устиной. Вот хоть и ругался, а позаботилась.

Андрон посмотрел на дорогу. Где-то там была Арина. И этот разговор, которого он и ждал, и боялся одновременно.

Он глубоко вздохнул и поправил шапку.

— Ну, будь что будет...

Глава 6

Глава шестая

Полдневное солнце висело над Большой Гривной, как раскалённый медный таз. Воздух дрожал над выгоревшей травой, а от нагретых стен изб тянуло тёплым деревом и вяленой рыбой.

Андрон лежал в тени старой ракиты, что росла в полусотне шагов от колодца. Высокая трава скрывала его тело, лишь голова покоилась на скрещенных руках. Он прикрыл глаза, но не спал, каждым нервом прислушивался к звукам села: где-то скрипела телега, бабы перекликались у огородов, изредка доносился плач ребёнка.

— Андрон Савельич! Аль нездоровится?

Старый пасечник Трофим остановился, опираясь на вишнёвый посох. Его тёмные, как соты, глаза внимательно рассматривали лежащего мужика.

— Жара, дед, — ответил Андрон, не открывая глаз. — После ночной грозы душно, как в бане.

— То-то я гляжу, не по-хозяйски ты нынче, — Трофим усмехнулся, обнажив единственный жёлтый зуб. — Али ждёшь кого?

Андрон приоткрыл один глаз:

— А тебе-то что?

— Да так, стариковское любопытство, — Трофим почесал жилистую шею. — Только гляди, комиссар твой нынче по селу шастает. Увидит, ещё подумает, что ты от работы отлыниваешь.

Андрон сел, сплёвывая травинку:

— Пушай думает, что хочет. Я своё отработал спозаранку.

Трофим задумчиво постучал посохом о землю:

— Времена-то какие пошли... Раньше мужик в жару под деревом прилёт, как все понимали, что заслужил. А нынче... — он махнул костлявой рукой и заковылял прочь, бормоча себе под нос.

Андрон снова растянулся в траве. Мысли его были далеко — в той избе на краю села, где сейчас, наверное, металась как птица в клетке...

В избе Безденежных действительно бушевала гроза. Старик Семён, размахивая руками, ходил по тесной горнице, задевая локтями глиняные горшки на полках.

— Вот до чего дожили! — его седые усы дрожали от ярости. — Моя кровь, моя плоть на весь мир позорится! На собрании, перед всем честным народом!

Арина стояла у печи, сжимая в руках кончик платка. Её братья, старший Григорий и младший Пётр, сидели на лавке, переглядываясь.

— Я только правду сказала, — тихо, но твёрдо произнесла она.

— Правду?! — Семён ударил кулаком по столу, так что подскочила деревянная солонка. — Какая у тебя может быть правда, девка недопеченая? Ты жизнь-то знаешь? Хлеб своими руками растила?

Григорий, широкоплечий парень с лицом, как у отца, мрачно поддержал:

— Теперь вся деревня будет пальцами показывать. Скажут, что Безденежные своих дочек на кулаков натаскивают.

Арина вдруг выпрямилась. Глаза её, обычно такие кроткие, вспыхнули:

— А разве не вы сами твердили, что Кулаковы землю несправедливо нажили? Что у них всего много, а у нас ничего? Так почему же теперь, когда я сказала, что отнимать чужое несправедливо, вы...

— Молчать! — Семён замахнулся, но не ударил. Рука его дрожала. — Ты... ты ничего не понимаешь! Нынче другие времена. Кто против власти того в расход. Хочешь, чтобы нас всех в Сибирь упекли?

Арина молча встала и подошла к лавке, на которой стояло ведро с водой. Чуть наклонилась, оперлась о край ведра, и оно тут же опрокинулось на пол. Все мигом оглянулись на растёкшуюся воду. Арина мигом бросила на пол тряпку и принялась нервно тереть.

Отец схватил со стола шапку и швырнул её в угол.

— Всё! С сегодняшнего дня ни шагу из дому без спросу! А теперь марш за водой! Да смотри, чтобы твои глазёнки не встретились с этим... с этим кулацким отродьем!

Арина схватила ведро и выбежала, хлопнув дверью. За спиной раздался крик отца:

— И чтоб я не слышал, что ты с Андроном Кулаковым говорила! А то его баба тебе все косы повывёртывает!

Дорога к колодцу казалась Арине бесконечной. В ушах звенело от криков отца, а в груди будто горел уголёк, маленький, но такой жаркий. Она шла, опустив голову, не замечая, как ведра болтаются у неё на коромысле.

— Ой, да это же наша смелая девица!

Арина вздрогнула. У колодца, опираясь на журавль, стоял сам комиссар Воронцов. В руках он держал деревянную кружку.

— Здравствуйте... товарищ комиссар, — Арина опустила глаза.

— Алексей Петрович, — поправил он, приветливо улыбаясь. — Мы же вчера познакомились, на собрании. Хотя, — он сделал паузу, — мне кажется, мы знаем друг друга гораздо дольше.

Арина насторожилась:

— Как это?

— Да так, — Воронцов ловко зачерпнул воду и подал ей кружку. — Я ведь сразу увидел в вас родственную душу. Чистую, незамутнённую жаждой наживы.

Арина осторожно приняла кружку, но пить не стала.

— Я... я просто сказала то, что думала.

— Именно это и ценно! — комиссар сделал шаг ближе. — Вы даже не представляете, как редко сейчас встретишь человека, способного мыслить самостоятельно. Большинство, — он махнул рукой в сторону села, — как стадо: куда погонят, туда и бредут.

Арина почувствовала, как по спине пробежали мурашки. В глазах комиссара было что-то... неприятное.

— Мне нужно воды набрать, — она потянулась к журавлю.

— Позвольте мне, — Воронцов ловко перехватил верёвку. Их пальцы на мгновение соприкоснулись, и Арина отдернула руку, будто обожглась.

— Вы не бойтесь меня, — комиссар наливал воду в её ведро. — Я ведь здесь, чтобы помогать таким, как вы. Честным, трудолюбивым... красивым, — он добавил тише, глядя ей прямо в глаза.

Арина почувствовала, как кровь приливает к щекам. Она потянулась за ведром, но в этот момент с дороги раздался голос:

— Здорово, Андрон Савельич! Аль работу бросил?

Арина и комиссар одновременно обернулись. Из-за ракиты поднимался Андрон, отряхивая траву с зипуна.

— А, Кулаков! — голос Воронцова стал резким. — Подслушивать изволите?

Андрон медленно подошёл, не обращая внимания на комиссара. Его глаза встретились с глазами Арины, и в них было столько тепла, что у неё перехватило дыхание.

— Трава мягкая, — равнодушно ответил он. — А вам, товарищ комиссар, небось в сельсовете дела есть? Народ ждёт, когда списки начнёте составлять.

Воронцов побледнел:

— Мои действия не подлежат вашему обсуждению, товарищ!

Андрон молча взял ведро из рук Арины. Их пальцы снова соприкоснулись, причём в этот раз дольше.

— Я помогу донести, — твёрдо сказал он.

Комиссар резко шагнул вперёд:

— Гражданка Безденежная сама справится!

Но Арина уже шла рядом с Андроном, оставив комиссара одного у колодца. Они прошли несколько шагов в молчании, пока не скрылись за поворотом.

— Спасибо, — наконец прошептала Арина.

— За что? — Андрон нарочно говорил громко, чтобы слышали возможные свидетели.

— Сосед соседу помочь должен. Потом и ты моей Устине поможешь, когда ей тяжело будет.

Но когда они оказались в укрытии высокого плетня, его рука незаметно сжала её пальцы.

— Завтра, — тихо сказал он. — У мельницы. В полдень.

Арина лишь кивнула, боясь, что голос её выдаст всё, что творилось в душе. А за спиной, у колодца, комиссар Воронцов стоял, сжимая кружку так, что дерево затрещало по швам.

Глава 7

Глава седьмая

Полдень. Солнце висело над усадьбой Кулаковых, как раскалённый щит, заставляя пот струиться по спине Андрона. Он стоял на коленях у полуготового курятника, тщательно подгоняя последние доски. Рядом, высунув язык от усердия, девятилетний Мишка держал гвозди, подавая их отцу по одному.

— Не торопись, сынок, — Андрон вытирал лоб рукавом. — Гвоздь надо загонять ровно, чтобы доска не треснула. Всё, что строится наспех долго не простоит.

Мальчик кивнул, серьёзно нахмутив брови:

— Тять, а правда, что в колхозе все куры общими будут? И яички тоже?

Андрон замер, ощущая, как в висках начинает пульсировать знакомая злость.

— Кто тебе такое наболтал?

— Да все во дворе говорят... — Мишка опустил глаза. — Дядя Фёдор вчера сказывал, что теперь всё будет общее: и куры, и коровы, и даже...

Резкий скрип калитки прервал его. Во двор, раздвигая кусты смородины, вошли трое: комиссар Воронцов в начищенных до зеркального блеска сапогах и двое военных с винтовками за спиной.

— Здорово, хозяин! — комиссар оглядывал двор с преувеличенным восхищением. — Хозяйство у вас, я погляжу, на диво крепкое. Небось, сам чёрт не брат!

Андрон медленно поднялся, отряхивая стружки с портов.

— Чего надо, товарищ комиссар? Мы тут с сыном делом заняты.

— Да так, по-соседски заглянул, — Воронцов прошёлся вдоль забора, заглядывая в хлев. Его пальцы нервно перебирали блокнот. — Корова-то одна, я вижу?

— Две, — Андрон скрестил руки на груди. — Вторая в стаде. Тёлку весной привели.

— Ага... — комиссар что-то записал, потом поднял глаза на амбар. — И зерна, поди, на три года вперёд?

— Столько, сколько моей семье нужно, — голос Андрона стал опасным.

Воронцов усмехнулся и, подойдя ближе, снизил голос:

— Слушай, Кулаков, я ведь не зря пришёл. Совет тебе даю как человек человеку: приходи завтра в сельсовет, запишись в колхоз. Пока ещё можно по-хорошему.

— По-хорошему? — Андрон засмеялся, но смех его был сухим, как шелест осенней листвы. — Это когда под винтовками называется «по-хорошему»?

Один из военных сделал шаг вперёд, но комиссар остановил его жестом.

— Ты, Андрон, умный мужик, — он говорил тихо, чтобы не слышал Мишка. — Сам понимаешь — времена новые. Либо ты с нами, либо... — он не договорил, но взгляд его скользнул в сторону винтовок.

В этот момент дверь избы распахнулась, и на крыльцо вышла Устина с младенцем на руках. Увидев незваных гостей, она замерла, но быстро оправилась:

— Гости дорогие... Милости просим в избу, чайку испить.

Комиссар снял фуражку, лицо его расплылось в улыбке:

— О-о! Да у вас, Андрон Савельич, и жена-красавица! Прямо как на картинке!

Устина покраснела и прижала ребёнка к груди.

— Вы уж простите, не ждали гостей...

— Да мы ненадолго, — Воронцов подошёл ближе, рассматривая младенца. — Красавец! В отца, поди?

Андрон резко встал между женой и комиссаром:

— Хватит любезностей. Сказали своё, и будет.

Комиссар отступил, но не переставал улыбаться:

— Имея такую жену, негоже вам, Андрон Савельич, по чужим девкам глазеть да вёдра им таскать.

Тишина повисла тяжёлым покрывалом. Устина побледнела:

— Что... что он говорит, Андрон?

— Ничего он не говорит! — рявкнул Андрон. — Иди в избу!

Но комиссар уже поворачивался к выходу:

— Подумай, Кулаков. До завтра.

Когда калитка захлопнулась, Устина повернулась к мужу. Глаза её горели:

— Так вот где ты пропадаешь! Вёдра носишь этой... этой Безденежной! Всё село, поди, уже зубы скалит!

— Устина, не при ребёнке...

— А когда? Когда ты её в мою постель приведёшь? — она трясла младенцем, который залился плачем.

Андрон схватил её за плечо:

— Я дал тебе кров! Даю хлеб! Забочусь о детях! Разве я от своих обязанностей отказываюсь?

— А сердце твоё где? — Устина всхлипнула. — Оно здесь, с нами?

Андрон отпустил её и отвернулся. В глазах у него стояли не жёлтые стены курятника, а серые глаза Арины.

— Сердцу не прикажешь, — глухо сказал он.

Устина замерла, а потом, рыдая, бросилась в избу, хлопнув дверью так, что с полки слетели горшки.

Мишка, всё это время молча наблюдавший, подошёл к отцу:

— Тять... мамка правду плачет?

Андрон взглянул на сына, на его круглые, испуганные глаза, так похожие на Устинины. Он хотел сказать «нет», хотел обнять его, но вместо этого лишь провёл шершавой ладонью по детской голове:

— Иди, сынок, матери помоги.

Когда Мишка скрылся в избе, Андрон опустился на корточки у недостроенного курятника. Пальцы его сами собой нащупали топор.

— Чёрт бы побрал всё это... — прошептал он, с силой вгоняя лезвие в чурбак.

Но ни топор, ни работа не могли отсечь от него главного, ту мысль, что завтра всё может измениться навсегда.

Глава 8

Глава восьмая

Раннее утро застало братьев Кулаковых в поле. Холодная роса покрывала землю, словно слёзы, а солнце, только поднимавшееся над лесом, окрашивало небо в кровавые тона. Андрон шёл за плугом. Его мощные руки уверенно держали рукояти, а за спиной тянулась ровная борозда.

— Слышал новости? — Иван, старший из братьев, бросил мешок с зерном на землю. Его лицо было мрачнее тучи.

— Какие ещё новости? — Андрон остановил лошадь, вытирая пот со лба.

— Сегодня по селу пойдут. Имущество переписывать. Кто препятствовать будет, тех сразу под арест.

Фёдор, младший брат, нервно закурил:

— У Семёнова вчера забрали две коровы и лошадь. Говорят, за сопротивление чуть не пристрелили мужика.

Андрон стиснул зубы, чувствуя, как гнев поднимается к горлу:

— И что, мы просто так отдадим всё, что годами копили?

— А ты как думаешь? — Иван развёл руками. — Против власти не попрёшь. У них винтовки, а у нас что? Вилы да топоры?

— Вилами бы их... — проворчал Андрон, но в голосе его уже слышалась неуверенность.

Фёдор бросил окурок под ноги, раздавил его сапогом:

— Может, и правда сдаться, а? От греха подальше...

Тишина повисла между братьями, тяжёлая и неловкая. Даже лошадь, почуяв напряжение, беспокойно зафыркала.

Когда солнце поднялось выше, они присели отдохнуть под одиноким дубом на краю поля. Устина прислала с соседским мальчишкой узелок с хлебом, салом и луком.

— Жена-то твоя за тебя держится, — заметил Иван, откусывая кусок чёрного хлеба.

Андрон промолчал, глядя куда-то вдаль.

— Ладно, — он вдруг встал, отряхивая порты. — Мне по делам надо.

— Какие ещё дела? — удивился Фёдор.

— Свои.

Не дожидаясь дальнейших вопросов, Андрон зашагал прочь, оставив братьев переглядываться.

Старая мельница на окраине села давно не работала. Её крылья, поросшие мхом, застыв в немом ожидании, а стены потихоньку разваливались. Но сегодня, в лучах весеннего солнца, она казалась почти красивой.

Арина сидела на брёвнах у воды. Босые ноги её болтались над самой поверхностью ручья. Она что-то напевала себе под нос, а солнце играло в её распущенных волосах.

— Красиво поёшь, — раздался за её спиной голос.

Арина вздрогнула, чуть не упав в воду, но сильные руки подхватили её.

— Андрон... — её голос дрогнул. — Я думала, ты не придёшь.

— Разве мог я не прийти? — он сел рядом, и их плечи соприкоснулись.

Арина потупила взгляд:

— Мой отец... он уже присмотрел мне жениха. Из соседней деревни. Говорит, пора остепениться.

Андрон стиснул кулаки, но голос его оставался спокойным:

— А ты чего хочешь?

— Я не знаю... — её пальцы нервно теребили подол платья. — Это неправильно, Андрон. Ты женат. У тебя дети...

— Сердцу не прикажешь, — он повторил свои же слова, сказанные Устине.

Арина подняла на него глаза, большие, серые, полные слёз:

— Что нам делать?

Ответом ему стал её взгляд, слишком испуганный, но не отталкивающий. Андрон медленно, давая ей время отстраниться, обнял её.

— Я не знаю, — прошептал он. — Но без тебя мне не жить.

Их губы встретились сначала неуверенно, потом всё жажде. Его руки скользнули по её бёдрам, коснулись груди. Арина замерла, а потом вдруг оттолкнула его.

— Нет... мы не можем...

Но в её глазах читалось совсем другое.

Андрон хотел было потянуться к ней снова, но Арина уже вскочила и побежала прочь, обернувшись лишь раз, чтобы бросить:

— До завтра! У колодца!

И её смех, лёгкий и звонкий, смешался с журчанием ручья.

Андрон остался сидеть на брёвнах, глядя ей вслед. В груди было и сладко, и горько одновременно.

— Чёрт возьми... — прошептал он, глядя на свои дрожащие руки.

Но уже знал, что завтра он снова придёт. И послезавтра. И всегда.

Глава 9

Глава девятая

Утро начиналось как обычно. Первые лучи солнца пробивались сквозь щели в ставнях, рисуя золотистые полосы на глиняном полу.

Арина лежала на своей постели, прислушиваясь к привычным звукам просыпающегося дома: мать возилась у печи, отец кашлял за перегородкой, где-то во дворе скрипела калитка. Сегодняшний день должен был быть таким же, как сотни предыдущих. Всё та же работа в огороде, уход за скотиной, бесконечные хозяйственные хлопоты. Но в воздухе висело что-то тревожное, будто сама природа предчувствовала перемены.

— Арина! Вставай, соня! — резкий голос матери прервал её размышления. — Сегодня тебе не до нежиться!

Девушка потянулась, чувствуя, как тревога сжимает её грудь. Она знала этот тон. Мать говорила так только когда ожидалось что-то важное. Выглянув в маленькое оконце, Арина увидела, как отец, необычно наряженный в чистую рубаху, о чём-то оживлённо беседует с соседом. Их лица были серьёзны, а жесты резки и выразительны.

— Мам, что происходит? — спросила Арина, натягивая повседневное платье.

Мать повернулась к ней, и Арина увидела в её глазах странную смесь радости и тревоги:

— Сегодня к нам гости важные придут. Родители Емельяна свататься будут. Отец уже договорился.

Слова матери прозвучали как удар топором по замёрзшему пруду, слишком резко, неожиданно, разрушая привычный мир. Арина почувствовала, как ноги становятся ватными, а в ушах начинает шуметь кровь.

— Я... я не хочу за Емельяна... — прошептала она, цепляясь за край стола.

Мать резко развернулась, и вдруг её лицо стало жёстким:

— Ты что, совсем дурочка? Емельян — работающий парень, изба новая, хозяйство крепкое. В наше время таких женихов днём с огнём не сыщешь!

Арина отвернулась к окну, где за стеклом колыхались молодые листья берёзы. Как объяснить матери, что её сердце уже занято? Что каждый раз, встречаясь с Андроном у колодца, она чувствует, как мир вокруг преображается? Как рассказать о тех тайных встречах на мельнице, когда его прикосновения заставляли забыть обо всём на свете?

— Я не спросил твоего согласия! — раздался за спиной грубый голос отца. Он стоял в дверях, его широкие плечи почти заполняли проём. — Емельян очень хорошая партия. Его отец мой давний друг. Ты выйдешь за него, и точка.

Арина вдруг почувствовала прилив неожиданной смелости:

— А если я откажусь?

Отец сделал шаг вперёд. Его глаза стали узкими щёлочками:

— Тогда можешь собирать вещички и уходить куда глаза глядят. Мне непокорная дочь не нужна.

Мать ахнула и бросилась между ними:

— Полно тебе, Семён! Девка просто застеснялась. — Она повернулась к Арине, и в её глазах читалась мольба: — Иди, переоденься в праздничное. Гости скоро придут.

Арина, не в силах больше сдерживать слёзы, бросилась прочь из избы. Она взбежала по шаткой лестнице на чердак, где среди старых сундуков и паутины нашла своё единственное укрытие. Там была узкая щель под самой крышей, откуда было видно полсела.

Солнце поднялось выше, когда снизу снова раздался голос матери:

— Арина! Немедленно спускайся! Гости уже у ворот!

— Не пойду! — крикнула она в ответ, прижимаясь лбом к прохладному стеклу.

— Тогда кнутом выпорю, как последнюю девчонку! — прогремел отец. — И без приданого за ворота выставлю!

Угроза прозвучала настолько серьёзно, что Арина поняла, шутить они не будут. Дрожащими руками она надела синее праздничное платье с белыми цветами по подолу, то самое, что шили к прошлой Пасхе. В зеркальце, подаренное когда-то тёткой, смотрелось бледное лицо с красными от слёз глазами.

— Господи, дай мне силы... — прошептала она, спускаясь по скрипучим ступеням.

Гости прибыли с помпой, на телеге, запряжённой сытым меринком. Первым вылез Емельян. Он был рослый, широкоплечий, с лицом, напоминающим хорошо откормленного борова. Его маленькие глазки сразу же начали жадно осматривать Арину, останавливаясь на груди, бёдрах, губах.

— Ну вот и наша невеста! — завопила мать Емельяна, дородная женщина с лицом, напоминающим печёное яблоко. — Чистый лён, глаз не отвести!

Отец Емельяна, мужик с медвежьей походкой, шумно расцеловался с Семёном:

— Ну что, старик, давай дело делать! — он хлопнул по бутылки самогона, которую держал под мышкой. — Выпьем за молодых!

Арина стояла у печи, чувствуя, как её тошнит от всей этой показухи. Её пальцы судорожно сжимали складки платья, оставляя мокрые пятна от вспотевших ладоней.

— Ну-ка, повернись, покажись, — отец Емельяна подошёл ближе, разглядывая её, как товар на базаре. — Худовата, но сойдёт. В мать, видать.

За столом началось традиционное сватовство. Отец Емельяна расхваливал сына:

— Работник он у меня просто золото! И избу новую срубил, и скотины полон двор. Не мужик, а клад!

Отец Арины не оставался в долгу:

— А моя девка мастерица на все руки! И прясть, и ткать, и корову доить. И детей нянчить, любо-дорого смотреть!

Арина сидела, как каменная, не поднимая глаз. Её мысли были далеко, у старой мельницы, где вчера Андрон целовал её так, что земля уходила из-под ног. Где его руки, грубые от работы, касались её так нежно, что хотелось плакать.

— Ну что, старик, — отец Емельяна хлопнул по столу, — давай по рукам ударим! Завтра и свадьбу сыграем!

В этот момент что-то внутри Арины перевернулось. Она вскочила, опрокинув скамью:

— Я не пойду за него! Никогда!

Ошеломлённая тишина повисла в горнице. Даже мать Арины открыла рот от изумления.

— Что?! — отец её побагровел, вскочив со скамьи.

— Я сказала — не пойду! — Арина выбежала во двор, хлопнув дверью так, что в доме задрожали стёкла.

Емельян бросился за ней. Он настиг её у плетня, грубо схватив за руку:

— Эй, постой! Ты чего, дура? — его дыхание пахло самогоном и луком. — Я тебе жизнь устрою! Избу новую, платье, украшения...

Арина вырвалась, но он снова её поймал, прижав к забору:

— А что тебе надо-то? Аль ждёшь, когда кулак твой женится на тебе? — он злобно засмеялся. — Да он тебя только потрогать хочет, а потом бросит!

В глазах Арины вспыхнул огонь. Она вдруг перестала сопротивляться, подняла на него глаза. В них горела такая ненависть, что Емельян невольно отступил.

— Я люблю Андрона Кулакова. И он меня любит. И если ты хоть пальцем тронешь меня, он тебя в землю вгонит.

Емельян остолбенел. Его лицо сначала покраснело, потом побелело. Он оглянулся на избу, где слышались крики их родителей, а потом снова посмотрел на Арину.

— Ты... ты что, с ума сошла? Он же женатый! У него дети!

— А тебе какое дело? — Арина выпрямилась во весь рост. — Иди и скажи своему отцу, что я не хочу за тебя. Или ты боишься, что Андрон тебе рёбра пересчитает?

Последние слова действовали как ушат холодной воды. Емельян плюнул под ноги:

— Ладно... Твоя правда. Мне с Кулаковым не тягаться. — Он повернулся и зашагал к избе, бормоча себе под нос: — Дура бабья... Сам найдёт, кого любить...

Арина осталась стоять у плетня, чувствуя, как дрожь охватывает всё её тело. Она понимала, что теперь пути назад нет. Отец не простит такого позора, мать не заступится. Осталось только одно...

— Андрон... — прошептала она, глядя в сторону его усадьбы. — Теперь только ты...

Глава 10

Глава десятая

Вечер опускался на село тяжёлыми сизыми сумерками, когда Андрон сидел за грубо сколоченным столом, методично чистя ружьё. В избе стояла непривычная тишина, что даже сверчки за печкой притихли, будто чувствуя надвигающуюся беду. Жирный свет керосиновой лампы дрожал на стенах, отбрасывая причудливые тени.

Устина, склонившись над прялкой, украдкой поглядывала на мужа, на его сжатые челюсти, глубокие морщины у глаз, пальцы, сжимающие ветошь с неестественной силой. Она хотела заговорить, но слова застревали в гортани. Слишком много невысказанного накопилось между ними за эти недели.

— Завтра... завтра надо бы сено убрать, — наконец пробормотал Андрон, больше для того, чтобы разорвать это тягостное молчание. — Дожди обещали к концу недели...

Устина открыла было рот, чтобы ответить, но в этот момент раздался оглушительный стук в дверь, да не просто стук, а настоящая дробь, будто кто-то бил в дверь и кулаком, и ногой одновременно, с отчаянной яростью обречённого.

Андрон вскочил так резко, что лавка заскрипела под ним. Рука сама потянулась к ружью, висевшему на гвозде.

— Кто там? — его голос прозвучал резко, как выстрел в ночи.

— Открой, ради Христа! — донесся снаружи хриплый, перепуганный голос. — Спрячь, Андрон, спаси! Гибну!

Андрон узнал голос соседа — Терентия Семёнова, такого же крепкого хозяина, как и он сам. Дверь распахнулась, и на пороге возник запыхавшийся, бледный как смерть мужик. Его рубаха была в клочьях, в спутанных рыжих волосах солома и копоть, а в широко раскрытых глазах стоял животный ужас.

— Господи Иисусе! — ахнула Устина, роняя прялку. — Что случилось-то?

Терентий, тяжело дыша, схватил Андрона за рукав. Его пальцы дрожали, как у пьяницы с похмелья.

— Горит всё... погибаю... — он говорил прерывисто, с хрипотцой. — Пришли... комиссар с подручными... велели подписывать бумаги на имущество... Я отказался... Тогда они... они...

Андрон почувствовал, как по спине пробежали ледяные мурашки. Он резко потянул Терентия в избу, оглядываясь на тёмную улицу.

— Где жена? Дети? — спросил он, прикрывая дверь.

Терентий схватился за голову. Его голос сорвался на вопль, который он тут же подавил:

— В лес ушли... со скотиной... еле успели... А я... я побежал... они за мной... собаками...

Андрон не раздумывая шагнул к тёмному чулану у печи, откинул половику, открыл люк в подполье.

— Прячься там. Молчи, как могила. Что бы ни было не выходи, пока сам не позову.

Терентий кивнул и исчез в чёрной дыре подпола. Андрон прикрыл люк, вернул половику на место, окинул взглядом избу — всё ли в порядке. Устина стояла посреди горницы, прижимая к груди кулаки, а её глаза были огромными от ужаса.

Не прошло и десяти минут, как снаружи раздалось грубое голоса и тяжёлые шаги по скрипучим доскам крыльца.

— Кулаков! Открывай, советская власть! — раздался хорошо знакомый голос комиссара Воронцова.

Андрон медленно подошёл к двери, ружьё наготове. Он глубоко вдохнул, ощущая, как сердце колотится в груди, но внешне оставался спокойным.

— Чего надо в такое время? — спросил он, не открывая.

— Преступника ищем, — ответил комиссар. — Терентий Семёнов. Поджёг своё имущество, скот угнал. Жена с детьми в лесу прячутся, а он где-то тут шныряет. Открывай!

Андрон почувствовал, как по спине пробежали мурашки. Он приоткрыл дверь ровно настолько, чтобы видеть стоящих на крыльце: комиссара в кожанке и троих вооружённых людей за его спиной.

— У меня никого нет, — сказал он ровно. — И обыскивать мой дом без причины вы не будете.

Комиссар усмехнулся, его глаза блеснули в темноте:

— А мы проверим. Ты что, против советской власти?

Андрон резко распахнул дверь настежь, выставив вперёд ружьё. Щёлчок взведённого курка прозвучал зловеще чётко в ночной тишине.

— Попробуйте войти без спроса, сразу узнаете, каков свинец на вкус, — его голос был тихим, но каждое слово падало, как камень. — Мой дом — моя крепость. Это вам не чья-то лачуга поджигать.

Тишина повисла тяжёлым покрывалом. Комиссар замер, а его пальцы непроизвольно сжались в кулаки. Он обменялся взглядами со своими людьми, оценивая ситуацию.

— Ты понимаешь, что защищаешь преступника? — наконец произнёс он, и в его голосе впервые прозвучала неуверенность.

— Я защищаю свой дом и свою семью, — Андрон стоял неподвижно, как скала. — И советую вам не испытывать судьбу. Идите своей дорогой.

Комиссар медленно отступил, но в его взгляде читалась злоба, которую он даже не пытался скрыть.

— Хорошо, Кулаков. Сегодня твоя взяла. Но запомни — никто не сможет вечно стоять против власти. Мы ещё встретимся.

Когда их шаги затихли в ночи, Андрон ещё долго стоял у двери, прислушиваясь. Потом медленно закрыл засов и повернулся к Устине. Она стояла, прижавшись к печи. Её лицо было белым как мел.

— Господи... — прошептала она. — Что теперь будет?

Андрон не ответил. Он подошёл к столу, налил себе полный стакан самогона и выпил залпом, чувствуя, как огонь растекается по жилам. Потом взял фонарь и твёрдым шагом направился к двери.

— Куда ты? — Устина схватила его за рукав.

— Убедиться, что они там натворили, — он уже надевал шапку. — Запри дверь. Никому не открывай, пока не услышишь мой голос.

— А Терентий?

— Пусть сидит.

Ночь была тёмной и беззвёздной, когда Андрон скакал по просёлочной дороге к усадьбе Терентия. Холодный ветер бил в лицо, но он почти не чувствовал его. Всё его существо было наполнено ледяной яростью. Ещё издалека он увидел зарево, огромное, кровавое, пожирающее всё, что Терентий строил годами.

Когда он подъехал, дом уже почти догорал. Огненные языки лизали почерневшие стены, дым стелился по земле, смешиваясь с туманом. Вокруг стояла толпа человек двадцать, не меньше. Они молча наблюдали за пожаром, и в их глазах читалось что-то между страхом и странным удовлетворением.

Среди них Андрон увидел своего брата Фёдора, того самого, который ещё недавно сомневался, стоит ли вступать в колхоз. Он стоял чуть в стороне. Его лицо в свете пламени казалось измождённым, старым.

— Что случилось? — Андрон подошёл к нему, чувствуя, как жар от пожара обжигает лицо.

Фёдор повернулся, и в его глазах Андрон увидел что-то новое, чего не было раньше, не то страх, не то покорность.

— Ты же видишь, — прошептал Фёдор. — Терентий отказался подписывать бумаги. Они подожгли. При всех. Сказали, урок для других.

— И никто не помог? Не попытался потушить? — Андрон окинул взглядом толпу, но никто не встретился с ним глазами.

— Кто поможет? — Фёдор горько усмехнулся. — Все боятся. Теперь все понимают, сопротивление бесполезно.

Андрон смотрел, как рушится дом, как падают балки, как исчезает всё, что было нажито тяжёлым трудом. Вспомнил, как они с Терентием вместе рубили этот дом лет пятнадцать назад, как радовались, когда подняли матицу...

— Это будет с каждым, кто не подчинится, — прошептал Фёдор, словно читая его мысли. — И с тобой тоже, брат. Не упрямься. Подпиши их бумаги, пока не поздно.

Андрон не ответил. Он развернулся и пошёл к лошади, чувствуя, как ярость сжимает горло. Впервые за долгие годы он почувствовал себя по-настоящему бессильным.

Когда он вернулся домой, Устина стояла у порога, бледная, с красными от слёз глазами.

— Терентий ушёл, — сказала она тихо. — Как только ты выехал. Даже не попрощался.

Андрон кивнул. Он подошёл к столу, налил себе ещё стакан самогона и выпил залпом, чувствуя, как алкоголь не приносит желанного забвения. Потом поднял глаза на ружьё, висевшее на стене, на икону в углу, на спящих за занавеской детей.

— Что теперь будет? — снова спросила Устина, и он услышал как её голос дрогнул.

Андрон посмотрел ей в глаза и вдруг понял, что ответа у него нет. Только безысходность и горечь.

— Теперь — война, — наконец произнёс он. — Война, в которой мы уже проиграли, даже не успев начать сражаться.

Глава 11

Глава одиннадцатая

Вечерние сумерки окутывали село серой дымкой, когда Семён Безденежный вернулся домой после долгих разговоров у сгоревшего дома Терентия. Воздух всё ещё пах гарью, и этот запах, как назойливая муха, пробивался даже в закрытую избу. Он тяжело опустился на лавку у входа, скинул шапку и провёл ладонью по лицу, чувствуя, как дрожат пальцы.

— Ну что, старик? — осторожно спросила жена, подавая ему кружку с квасом. — Что народ говорит?

Семён отхлебнул, поставил кружку на стол с таким стуком, что квас расплескался по дереву.

— Говорят, что теперь всем ясно, как надо поступать, — его голос звучал глухо, будто из-под земли. — Кто не с большевиками тот против них. А против них, значит, в огонь, как рыжебородый Терентий.

За столом, где ужинали младшие дети, воцарилась тишина. Даже малыши, обычно шумные и непоседливые, замерли, чувствуя напряжение.

— А его семья? — спросила жена, опуская глаза.

— В лесу, говорят, прячутся. Скотину с собой увели. Но долго ли они продержатся? — Семён покачал головой. — Ночи ещё холодные, а у них теперь ни кола ни двора.

Он отпил ещё глоток, потом резко поднял глаза, выискивая среди детей Арину. Она сидела в углу, сгорбившись, будто старалась стать меньше.

— Арина, подойди-ка сюда.

Девушка медленно поднялась и подошла к отцу, опустив глаза.

— Я сегодня говорил с Емельяном, — Семён пристально смотрел на дочь. — Он даёт тебе ещё один шанс.

Арина подняла голову, её глаза расширились.

— Какой... какой шанс?

— Сегодня в клубе танцы. Ты пойдёшь. И будешь вести себя прилично, — он ударил кулаком по столу, когда увидел, как она открывает рот для возражения. — Ни слова! Григорий пойдёт с тобой и проследит, чтобы ты не выкинула чего.

Мать Арины, стоявшая у печи, резко обернулась.

— Семён, да может, не надо? Она же...

— Молчать! — рявкнул он. — Ты что, хочешь, чтобы и нас сожгли, как Терентия? Емельян сам по себе парень хоть куда. А главное, его отец с комиссаром в хороших отношениях.

Арина стояла, сжимая кулаки так, что ногти впивались в ладони. Она хотела кричать, что любит Андрона, что никогда не пойдёт за Емельяна, но слова застревали в горле. Вместо этого она лишь покорно кивнула и пошла переодеваться.

Через час Арина стояла перед осколком зеркала, надевая своё единственное праздничное платье, синее, с белыми цветами по подолу. Руки её дрожали, а в груди было пусто и холодно, будто кто-то вынул оттуда всё тепло и оставил лишь пепел.

— Ты готова? — в дверях появился Григорий, её старший брат. Он был одет в чистую рубаху, а волосы аккуратно приглажены.

— Да, — прошептала она, даже не узнавая собственный голос.

Мать подошла к ним, перекрестила обоих. Потом отдельно Арину, долго держа руку у её лба.

— Господи, помилуй... — прошептала она, и Арина увидела слёзы в её глазах. — Раньше-то это была церковь... святое место. А теперь танцы...

— Хватит! — рявкнул Семён из-за стола. — Ничего не попишешь, нынче такие времена. Идите уже!

Григорий взял сестру за локоть и повёл к двери. На пороге Арина обернулась, увидела, как мать, прижав к груди руки, смотрит им вслед. Потом дверь захлопнулась, и они вышли в холодную осеннюю ночь.

Дорога к клубу казалась бесконечной. Арина шла, не чувствуя ног, будто плыла сквозь густой туман. Григорий молчал, лишь изредка покрикивал на неё, чтобы не отставала.

— Гриша... — наконец осмелилась она заговорить. — Ты же знаешь, что я не хочу за него...

Брат резко остановился, развернулся к ней. В свете луны его лицо казалось чужим, жёстким.

— Ты слышала, что отец сказал? Хочешь, чтобы и нас сожгли? — он схватил её за плечи. — Андрон Кулаков тебе не пара. Он женат, у него дети. А главное — он теперь враг власти. Ты что, совсем дура?

Арина ничего не ответила. Она просто опустила голову и пошла дальше, чувствуя, как слёзы катятся по щекам и падают на пыльную дорогу.

Впереди уже виднелось здание бывшей церкви, теперь клуба. Из распахнутых окон лилась музыка, смех, доносились пьяные голоса. Арина остановилась, чувствуя, как сердце готово выпрыгнуть из груди.

— Ну, пошли, — толкнул её Григорий. — И смотри у меня, чтоб никаких глупостей.

Она сделала шаг вперёд, потом ещё один. С каждым шагом ей казалось, что она предаёт саму себя, предаёт те редкие мгновения счастья, что дарил ей Андрон. Но выбора у неё не было. Или был?

Глава 12

Глава двенадцатая

Вечер спускался на село тяжёлыми свинцовыми тучами, когда Андрон готовился выйти из дома. В избе было душно. Запах кислых щей, детского пота и древесной золы висел в воздухе неподвижной пеленой. Устина стояла у печи, бессмысленно перебирая пальцами концы платка. Её глаза были красными и опухшими от слёз, которые она пыталась скрыть, быстро вытирая их уголком фартука.

— Не ходи сегодня, Андрон, — её голос дрожал, как тонкий лёд под ногами. — Сердце моё чует беду... Как тогда, перед пожаром у Терентьевых...

Андрон, затягивая ремень на выцветших штанах, взглянул на жену. В её глазах стоял тот самый животный страх, который он видел у загнанного в угол зверя. Её пальцы вцепились в его рукав с такой силой, что побелели суставы.

— Да брось ты, — он потрепал её по плечу, стараясь говорить спокойнее, чем чувствовал. — Просто с братьями повидаюсь, по чарке выпьем. К полуночи вернусь, ты даже и не заметишь.

Устина не отпускала его рукав, её губы дрожали:

— Ты же знаешь, что сегодня в клубе танцы! Там и она будет... эта... Безденежная. Всё село говорит, как ты за ней ухаживаешь!

Андрон резко одёрнул руку, и лицо его потемнело, как грозовая туча:

— Хватит! Не твоё дело, где я бываю и с кем говорю! — он швырнул на лавку шапку, которая соскользнула на пол. — Я тебе не батрак, чтобы отчитываться!

Он вышел, хлопнув дверью так, что задрожали глиняные горшки на полках, оставив Устину одну среди потемневшей избы, где только тиканье стенных часов нарушало гнетущую тишину.

Братья ждали его на перекрёстке у старой берёзы. Иван, Фёдор и младший МIRON. В бледном свете луны их лица казались высеченными из камня, слишком жёсткими, непроницаемыми. Тени от ветвей прыгали по их фигурам, как чёрные демоны.

— Ну что, выпьем за здоровье? — Иван достал из-за пазухи початую бутылку самогона, которая блеснула в лунном свете, как драгоценный камень. — А то жить-то всё равно надо...

— За здоровье, — хрипло отозвался Андрон, принимая бутылку.

Они передавали её по кругу, каждый отпивая большой глоток. Жидкий огонь растекался по жилам, но не согревал, а лишь оставлял во рту привкус горечи и обречённости. Где-то вдали кричала сова, и этот звук казался похоронным плачем по всему, что они когда-то знали.

— Слышал, Терентия вчера забрали? — спросил Фёдор, разламывая варёное яйцо пополам. Желток вытек у него на пальцы, как жидкое золото. — В лес пришли с собаками, нашли их тайник.

МIRON, самый младший, с лицом, ещё не тронутым морщинами, но уже с потухшим взглядом, кивнул:

— Жену с детьми в райцентр отправили, а его... — он сделал паузу, многозначительно постучав пальцем по виску. — Говорят, в подвале сельсовета пытали. Заставляли назвать всех, кто ему помогал.

Андрон стиснул зубы так, что заболела челюсть. В глазах потемнело от ярости, которая подкатывала к горлу горячим комом.

— Ладно, хватит о грустном, — Иван хлопнул его по плечу, но в его глазах читалась та же безысходность. — Пойдём в клуб, народ посмотрим, себя покажем. А то скоро, глядишь, и показывать будет нечего...

Братья поддержали его нервными смешками.

Клуб, бывшая Преображенская церковь, горел огнями, как костёр в ночи. Из распахнутых окон лилась разухабистая гармонь, смешанная с топотом ног и пьяными криками. Когда Андрон вошёл внутрь, волна тепла, смешанного с запахом пота, махорки и дешёвого самогона, ударила ему в лицо. Народ отплясывал, забыв на время о страхе и голоде. Кто-то смеялся слишком громко, кто-то плакал в углу, кто-то просто сидел, уставившись в стену пустым взглядом.

Андрон протиснулся к стене, оглядывая зал. И тут он увидел её.

Арина сидела на стуле у дальней стены, скромно сложив руки на коленях. Её синее платье, единственное праздничное, казалось пятном чистого неба в этом угарном помещении. Рядом сидел её брат Григорий, мрачный, как туча перед грозой. Он первым заметил Андрона и тут же насторожился, как сторожевой пёс, почуявший волка.

В этот момент дверь с шумом распахнулась, и в зал ввалился Емельян. Пьяный, раскачивающийся, с лицом, покрасневшим от водки. Он сразу устался на Арину и сделал шаг в её сторону. Но, заметив Андрона, резко изменил направление, растворившись в толпе, как крыса в подполье.

Братья Андрона разбрелись кто куда, но он сам не спешил танцевать. Стоял в тени, не сводя глаз с Арины. Она тоже видела его. Он знал, видел по тому, как дрожали её пальцы, как взгляд то и дело скользил в его сторону, как губы непроизвольно сложились в беззвучное: "Андрон..."

И вдруг в зале возник комиссар. Чистый, выбритый, в новенькой кожанке, блестящей, как мокрая галька, он важно прошёлся между танцующими, как хозяин среди рабов. Его сапоги гулко стучали по полу, заставляя людей невольно расступаться.

— Гражданка Безденежная, — его голос прозвучал громко, перекрывая гармонь. — Разрешите пригласить вас на танец? Ведь мы с вами так и не дотанцевали в прошлый раз.

Григорий вскочил, растерянно озираясь. Его руки сжались в кулаки, но сделать он ничего не мог, ибо понимал, что против власти не попрёшь. Арина замерла. Её глаза метались от брата к комиссару, потом к Андрону, затаившемуся в толпе, как тень.

— Я... я не умею... — прошептала она, и её голос был таким тихим, что его еле слышно было даже в внезапно наступившей тишине.

— Научу, — комиссар Воронцов настойчиво протянул руку, и в его улыбке было что-то хищное. — Советская власть всех учит. И танцевать, и жить по-новому.

Григорий, видя, что сопротивление бесполезно, беспомощно опустился на стул, как подкошенный. Его плечи сгорбились, будто на них вдруг свалилась невидимая тяжесть.

Арина, бледная как полотно, подала комиссару дрожащую руку. Её пальцы выглядели такими хрупкими в его грубой ладони, как птенцы в когтях ястреба.

Андрон смотрел, как они выходят на середину зала. Как комиссар обнимает её за талию, прижимает к себе так близко, что между ними не просунуть и листа бумаги. Как его пальцы впиваются в её тело, будто когти хищника, метящего добычу. Как он что-то шепчет ей на ухо, от чего она резко откидывает голову, будто получила пощёчину.

Что-то внутри Андрона оборвалось. В ушах зазвенело, мир сузился до тоннеля, в конце которого была только эта картина — его Арина в объятиях этого... этого...

Он не помнил, как оказался рядом. В руке вдруг появилась недопитая бутылка, тяжёлая, холодная, как сама смерть.

— Эй, комиссар! — его голос прозвучал странно хрипло, будто кто-то другой говорил его устами.

Тот обернулся как раз вовремя, чтобы получить бутылкой по голове. Удар получился точным. Стекло разлетелось вдребезги с хрустальным звоном, а самогон брызнул во все стороны, как кровь из раны. Комиссар рухнул на пол, как подкошенный дуб, и его кожанка мгновенно пропиталась алкоголем.

В зале повисла секундная тишина, такая густая, что можно было услышать, как падает на пол окурок. Потом раздался женский визг, кто-то закричал: «Убили!», и всё завертелось, как в дьявольской карусели.

Григорий вскочил, пытаясь прорваться к сестре, но братья Андрона Иван, Фёдор и Мирон, тут же оттеснили его, сомкнувшись живой стеной.

— Андрон, что ты наделал?! — закричал Иван, но в его глазах читалось не только ужас, но и странное одобрение. — Ты же понимаешь, что теперь...

Андрон не слушал. Он схватил Арину за руку, почувствовал, что её пальцы были холодными, как лёд, и потащил к выходу. Она не сопротивлялась. Шла, как в тумане, с широко раскрытыми глазами, в которых смешались ужас и облегчение.

За спиной поднялся рёв:

— Держать их! Кулакова под арест! Его в расход! Всем помочь!

Но было уже поздно. Дверь захлопнулась за ними, и они выбежали в холодную осеннюю ночь, словно две тени, слившиеся в одном безумном порыве, две души, объятые одним огнём.

Андрон бежал, не разбирая дороги, крепко сжимая руку Арины. Где-то позади слышались крики, топот ног, но он не оглядывался. Сердце колотилось так сильно, что казалось, вот-вот разорвёт грудь. Холодный ветер хлестал по лицу, слепил глаза, но он бежал и бежал, увлекая за собой Арину, которая спотыкалась, но не отпускала его руку.

— Куда мы? — задыхаясь, спросила она, и её голос дрожал, как лист на ветру.

— Прочь отсюда, — его голос был хриплым от ярости и бега. — Пока не поздно. Пока они не нашли нас.

Он знал, что пути назад нет. То, что он сделал, перечёркивало всё, и прошлое, и настоящее, и даже будущее. Завтра за ним придут. Завтра его дом будет гореть, как дом Терентия. Завтра Устина и дети останутся ни с чем.

Но когда он посмотрел на Арину, на её испуганные, но доверчивые глаза, на губы, дрожащие от холода и волнения, то понял, что другого выбора у него и не было. И никогда не будет.

Глава 13

Глава тринадцатая

Темнота осенней ночи была настолько густой, что казалось, можно потрогать её руками. Они пробирались через огороды, пригибаясь к земле, как заговорщики. Сухие стебли подсолнухов шелестели на ветру, словно шептали предостережения. Арина шла следом за Андроном, цепляясь за его рубаху. Её пальцы дрожали, а дыхание срывалось от страха и усталости. Каждый звук, будь то далёкий лай собаки, или скрип ветки, заставлял её вздрагивать, представляя, что это уже идут за ними.

— Тише... — прошептал Андрон, останавливаясь у покосившегося сарая. Его голос был хриплым от напряжения. — Здесь нас не найдут. Это отцовский двор.

Они пробрались через полуразвалившиеся ворота. Во дворе стоял тяжёлый запах навоза и прелого сена, привычные, почти успокаивающие ароматы деревенской жизни. Старый сарай скрипел на ветру, но выглядел надёжным укрытием. Андрон с усилием приподнял скрипучую дверь, впуская Арину внутрь, где пахло сухой травой, древесной смолой и чем-то затхлым, давно забытым.

— Поднимайся на чердак, — указал он на шаткую лестницу, доски которой стонали под их ногами.

Наверху их встретили золотистые горы сена, освещённые бледными лучами луны, пробиравшимися сквозь щели в крыше. Сено пахло летом, и чем-то тёплым, сухим, безопасным.

— Здесь... здесь хорошо, — прошептала Арина, опускаясь на мягкую подстилку. Но её глаза, широко раскрытые в полумраке, выдавали страх.

Андрон сел рядом, чувствуя, как усталость наваливается на него всей тяжестью пережитого дня. Он протянул руку, касаясь её дрожащих пальцев.

— Всё будет хорошо, — сказал он, но в его голосе не было уверенности.

Арина вдруг заговорила, слова вырывались из неё, как вода из прорванной плотины:

— Андрон, что мы наделали? Ты ударил комиссара... Я сбежала с тобой... Теперь нас объявят в розыск... Моя семья... Твоя жена... — её голос сорвался на шёпот. — Мы совершили страшный грех.

Он резко повернулся к ней, как вдруг его лицо в лунном свете стало жёстким:

— Грех? — прошептал он с горечью. — А что грешнее, любить или убивать? Жечь дома? Разлучать семьи? Кто здесь настоящий грешник?

Арина замолчала, её глаза наполнились слезами. Андрон потянулся, обнял её, почувствовав, как хрупко её тело в его объятиях. Она не сопротивлялась, но и не отвечала на объятия. Просто замерла, как птица в руках охотника.

— Я... я не могу перестать думать о тебе, — признался он, и слова эти, произнесённые вслух впервые, звучали странно и непривычно. — С того дня у колодца... Ты как свет в этой кромешной тьме. Как последний луч надежды.

Арина медленно подняла на него глаза. В них было столько противоречивых чувств: страх, нежность, стыд, надежда.

— Я тоже... думаю о тебе, — прошептала она. — Но мне страшно. Что будет с нами завтра? С твоей женой? С детьми? Мы... мы разрушаем столько жизней...

Он не нашёлся, что ответить. Вместо этого его губы нашли её губы, сначала неуверенно, вопросительно. Когда она не отстранилась, поцелуй стал увереннее, страстнее. Её ответ был робким, но искренним, как первый шаг ребёнка. Его руки скользнули по её спине, чувствуя каждый изгиб тела под тонкой тканью платья.

— Мы не должны... — попыталась возразить Арина, но её протест затерялся в новом поцелуе.

Они начали раздеваться медленно, будто боялись спугнуть этот хрупкий момент. Сено шуршало под ними, прикрывая их стыд и страсть. Когда они слились воедино, Арина вскрикнула от боли, но тут же закусил губу. Андрон замер, чувствуя, как её ногти впиваются ему в плечи.

— Прости... — прошептал он, целуя её слёзы. — Я не хотел причинить тебе боль.

— Ничего... — ответила она, и в её глазах он увидел не только боль, но и доверие, и какую-то новую, незнакомую твёрдость.

Их любовь была странной смесью нежности и ярости, как сама жизнь, которая и ласкает, и бьёт без разбора. В конце Арина прижалась к его груди, а он обнимал её, слушая, как бьётся её сердце, быстро, как у пойманной птицы, но уже не так испуганно.

Утро застало их спящими в обнимку, укрытыми слоем сена, как тёплым одеялом. Первые лучи солнца пробивались сквозь щели, рисуя золотые полосы на их бледных от усталости телах.

Внезапно снизу раздался скрип двери и тяжёлые шаги. Арина вскочила, испуганно схватившись за Андрона.

— Кто там? — раздался грубый голос отца Андрона. — Показывайся, а то вилами поклою! Слышал я, как вы тут возились ночью!

Из сена появилась голова Андрона, заспанная, с торчащими во все стороны волосами.

— Это я, батя.

Наступила долгая пауза. Потом отец спросил, понизив голос:

— Один там?

Андрон потянулся, обнажая плечи:

— Нет... с девушкой.

Ещё более долгая пауза. Потом снизу донёсся странный звук, не то смешок, не то кашель.

— Ну... — наконец произнёс отец, и в его голосе появились нотки неожиданного понимания. — Ты уж... осторожнее там. Мать скоро встанет, корову доить пойдёт.

Его шаги затихли, а потом и вовсе скрылись за дверью сарая. Андрон обернулся к Арине, которая сидела, обхватив себя руками, вся красная от стыда.

— Ну что... — усмехнулся он, пытаясь разрядить обстановку. — Теперь ты официально моя грешница.

Она шлёпнула его по плечу, но в её глазах светилось облегчение. На мгновение, всего на мгновение, они могли представить, что всё будет хорошо. Что где-то там, за стенами этого старого сарая, существует мир, где их любовь не является преступлением, где не нужно прятаться, где можно просто любить.

Но утро уже вступало в свои права, и с его первыми лучами возвращалась суровая реальность, с комиссаром, с погоней, с разрушенными жизнями. Они сидели, прижавшись друг к другу, слушая, как просыпается село, и каждый звук казался им шагом приближающейся беды.

Глава 14

Глава четырнадцатая

Серое предрассветное небо висело над селом, словно мокрая холстина, когда они вышли из сарая. Воздух был насыщен влажным холодом, пробирающим до костей, и едким запахом дыма от первых протопленных печей.

Арина шла, сторбившись, будто старалась стать меньше, а её пальцы нервно теребили края платка, завязанного наспех, небрежно. Андрон шагал рядом, тяжело ступая по мокрой от росы земле. Его лицо в этом бледном свете казалось высеченным из камня — жёстким, непроницаемым.

— Может... может мне одной пойти? — голос Арины дрожал, как тонкий лёд под ногами. — Отец... он ведь в бешенстве будет... Лучше я одна...

Андрон резко остановился, повернулся к ней. Его глаза в предрассветных сумерках казались тёмными безднами.

— Нет. Если я сейчас струшу, какой из меня мужчина? — его голос звучал глухо, как отдалённый гром. — Я сам отведу тебя и поговорю с твоим отцом. По-мужски. Лицом к лицу.

Они шли по пустынным улицам, где первые лучи солнца только начинали золотить крыши изб, превращая капли росы на соломе в крошечные бриллианты. Где-то уже слышалось мычание коров, звяканье вёдер, крики первых проснувшихся петухов, но основная часть села ещё спала. Спала так крепко, не ведая, какая драма разыгрывается в этом хрупком предрассветном спокойствии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.